

Для Астрид,
которая сражалась
за Ворриор и Пиаса
как настоящий
дракон.

Глава 1

*Ошибка. Стоп.
Спасибо, скоро все наладим*

Мэдокс был мертв. Глубоко в душе я это знала. Желудок вдруг сжался, и к моему перерезанному горлу подступила желчь. Я глотала воздух ртом. Казалось, будто мой мозг задыхается от этих двух слов: Мэдокс мертв.

От одной мысли об этом казалось, что я умираю изнутри. Как будто эхо внутри меня постоянно нарастало и отскакивало от стенок черепа вместо того, чтобы становиться тише.

Мой брат не выжил. Мимолетный взгляд в светло-зеленые глаза был всем, что у меня осталось, прежде чем пламя взрыва поглотило его. Я все еще видела страх и отчаяние на лице Мэдокса. Мне даже показалось, что я чувствовала запах сожженных крыльев. Слышала рев пламени в ушах.

И я... Я даже не могла ему помочь. Я была обречена на неподвижность, пока он...

Я задышалась, лежа на руках Чарминга, словно безжизненная кукла, потому что порез на горле был настолько широким, что голова откинулась назад. В разрезанной трахее свистел холодный воздух. Тело напряглось, и, будто одна из молний Пиаса, меня пронзил ужас, глубоко проникая в плоть. Вероятнее всего, я выглядела сейчас как какая-то мертвая лягушка, которую с помощью ниточек пытались заставить шевелиться. Мои губы издавали беззвучный крик.

Мэдокс был мертв.

Мэд.

Мой Мэд.

Он был...

— Тихо. Все в порядке. Успокойся, — услышала я шепот Чарминга над своим ухом.

Теплое дыхание щекотало мою щеку. Голос бога доходил до меня медленно и искаженно. Я дрожала, а на языке чувствовался вкус сладкой божественной крови, слез и темной магии. Взгляд судорожно метался по сторонам. Где мы были? В аду! Тартар все еще открывал рот в ожидании нас. Его зубы сверкали перед нами, как мертвые деревья. Сияющие и зловещие, словно в заколдованном сказочном лесу. Я видела перед собой тени других богов, которые медленно к нему приближались. Фэйд. Трик. Рэйзд. И Онор, который нес обмякшее тело Пиаса. Пиас! У меня перед глазами потемнело, когда я подумала о его израненном лице. В это мгновение мой разум отключился. Будто сторела проводка, и все выключилось. Ошибка. Стоп. Спасибо, скоро все наладим.

Тело парализовало. Оно отказывалось думать дальше.

— Поспи немного, — скомандовал Чарминг, мягко смахивая теплую влагу с моих щек.

Что это?.. Ой. Когда я начала рыдать? Капли падали на руки Чарминга, который, крепко прижимая меня к груди, шел вперед. Наверняка у меня еще и сопли во все стороны текли, но с этим в настоящий момент я ничего поделать не могла.

— Все будет хорошо, — пообещал он мне. Но мы оба знали, что это ложь. Ничего и никогда не станет хорошо. И уж точно не со мной. В ушах гудело. Я чувствовала себя опустошенной. Такой пустой и одинокой.

— Это было только начало, — тихо добавил Чарминг.

Я не знала, было ли это успокаивающим обещанием или зловещей угрозой. Правда, я была слишком вымотана, чтобы думать об этом. Пустота задавила все остальные мысли. Разум защищался от самого себя. От безумия, которое паялилось на меня зелеными глазами Мэдокса и, смеясь, ковырялось в моем мозгу.

Мэдокс.

Я закрыла горящие огнем глаза. Ощущение в горле было омерзительным. В моей собственной плоти зияла дыра, а в нее пробивался холод. Как у разрезанной рыбы, которая в агонии задыхалась от боли. Я задыхалась, но не умирала. Магия Чарминга жужжала на моей коже, а его запах ударил мне в нос, сладкий и пряный, как у Мэдокса. Он тоже всегда прекрасно пах. Домом. Корицей, гелем для душа

с ароматом шоколада и печеньем «Поп-Тартс», которое он всегда тайно поедает.

Тайно поедал, исправил мерзкий голос в голове. Меня снова тошнило.

— Спи, — прошептал Чарминг на ухо, и я почувствовала, как этот приказ подбирается к моему мозгу, обосновывается там и тянет вниз.

Пальцы задрожали. Дыхание медленно успокоилось, стало более глубоким и размеренным. Веки опустились, словно наполненные свинцом. Все во мне хотело заснуть, подчиниться приказу, но ничего не получалось. Что-то удерживало мою опустошенную душу на плаву, не давая покоя. Я снова и снова видела перед собой одни и те же картины.

Смех Спэйда над своим ухом, когда он прижал нож к моему горлу.

Выстрел из пистолета Мэдокса.

Звук снаряда, вонзившегося в лицо Пиаса.

Я видела серебряную кровь. Страх и отчаяние в глазах брата, когда его настиг взрыв.

У меня снова начались судороги. Шок смог подавить даже магию Чарминга.

— Что с ней? — услышала я обеспокоенный голос Рэйзда рядом.

Чарминг фыркнул.

— У нее шок. Ее магия сопротивляется моей.

Я захрипела. Остатки души Аида и Геракла текли внутри меня, словно плотная смола, забивали горло и, наконец, спускались с губ со слюной. На вкус они были очень горькими.

Мэдокс! Пиас! Спэйд! Мэдокс! Пиас! Спэйд!

— Выглядит ужасно! — в голосе Рэйзда послышалась паника.

— Я знаю. Нам надо поторопиться. Док точно знает, что делать.

Мне стало жарко. Слишком жарко. Магия бушевала в моих внутренностях, словно животное, пытавшееся сорваться с цепей. Василиск на запястье нервно свернулся, потираясь тонкой чешуей о руку. Он был готов вот-вот спрыгнуть с меня.

— Скорее! — боги побежали быстрее.

Топот их ног эхом разнесся по стенам каменной пещеры. Чарминг вдруг подпрыгнул. Воздух затрепетал в волосах и коснулся горячей кожи. Мой желудок будто провалился куда-то, когда мы упали в глотку Тартара. Я услышала щелканье зубов и запах древней магии, окутавший нас. Тартар снова нас проглотил. И если раньше это было нашей тюрьмой, то теперь мы бежали обратно, как побитые рыцари в свой надежный бастион. Боль пронзала кишечник и ковырялась там, словно длинная вязальная спица, заставив меня согнуться. Кожа туго обтянула кости, которые пульсировали так, будто были готовы сломаться в любое мгновение, а крылья бесконтрольно дрожали за спиной.

Чарминг выругался, и я выскользнула из его рук, тут же упав во влажное и пропитанное слизью горло существа. Мое правое крыло хрустнуло, когда я перевернулась, и еще пара тонких костей была раздавлена из-за стремительного падения. Я вдруг услышала испуганные крики других богов, будто кто-то сделал радио громче. Они выкрикивали мое имя, но я не могла сдвинуться с места. Что меня парализовало?

Шок? Магия Чарминга? Или моя собственная? А может быть, ненависть к самой себе?

Что бы это ни было, я безвольно падала, как марионетка, чьи ниточки обрезали. Проваливалась в горло существа все дальше и дальше.

— Суженая! — это был голос Пиаса.

Такой далекий и полный паники, что я сделала невозможное и действительно открыла глаза. Слово это был приказ, которому я не в силах была противиться. Еще секунду я видела вместо бога яркое пятно с развевающимися во все стороны голубыми волосами на фоне кроваво-красного неба, а затем случилось столкновение, поднявшее в воздух огромное облако пыли.

Я прикусила язык, наверное, даже откусила его, потому что из рта в то же мгновение хлынул ручей крови. Крылья были разорваны, как бумага. Я снова рухнула с высоты. В прошлый раз это случилось, когда боги сбросили меня в Тартар, а я вместе с Мэдоксом упала с Олимпа в ад. Воспоминания об этом были удивительно свежими. Прежде всего потому, что ощущалось это так, будто меня раздробили на кучу маленьких кусочков. Земля подо мной дрожала, а тело пропахало собой целый ров. Кости ныли, но каким-то чудом оставались на местах. Магия бушевала в венах, будто дикое животное. Сила богини во мне противопоставила себя всем законам природы.

Это был, вероятно, тот памятный момент, когда я заметила, как сильно изменилась. И все это лишь за несколько недель, которые, по факту, начались с того самого мгновения, когда Пиас появился в моей жизни. Нелепая и уничтоженная болью и го-

рем, часть меня в этот момент мечтала о том, чтобы я никогда не очутилась в объятиях этого прекрасного бездушного бога. Потому что, какой бы сломленной, разбитой и растерянной я себя ни чувствовала, это было уже не мое тело, и моим оно больше не будет. В отличие от брата, я не могла умереть, не могла последовать за ним. Я уже была слишком сильной. Противилась законам природы, которые непременно забрали бы мою жизнь после такого падения. Но бессмертие больше нельзя было подавить. То, что осталось внизу, являлось остатками моей человечности. Она уступала дорогу чему-то совершенно новому и незнакомому. Еще до того, как треск в ушах замолк, я почувствовала, как заживает язык. Остаток души Геракла вытек из меня и черной слизью приземлился на землю. Я повернулась в другую сторону, и меня стошнило. Порез на горле пульсировал. Он ритмично затягивался, пока кровь и остатки душ покидали мое тело. Я хрипела. Кричала. Боль хваталась за мои нервные окончания и мышцы.

— Ворриор! — один из богов — я точно не знала кто — приземлился рядом со мной. Песок продолжал гневно клубиться в воздухе.

У Василиска однозначно закончилось терпение, и он сорвался с моей кожи. Его гигантское тело начало вытягиваться, увеличиваясь до размера высотного дома, и свернулось в защитном кольце вокруг меня, а три головы сердито зашипели. Все больше богов опускалось на землю. Но единственное, что я чувствовала, был... Мэдокс.

Я согнулась и выплюнула кучу песка, который проглотила, сама того не заметив. Василиск бросил

ся на стоящих вокруг меня богов. Он не понимал моей боли и ее причину. Животное действовало инстинктивно, обращая внимание лишь на бушующее во мне отчаяние. Боги, ругаясь, рассыпались во все стороны.

— Ворриор! Отзови свое чудовище! — услышала я крик Рэйзда.

Мои пальцы впились в горячую землю, а горло продолжало затягиваться. Я жадно глотала кислород, пуская его в свои легкие, которые хрипели в ответ.

Ранее выплюнутая слизь стала плотнее, собралась в комок и сформировывалась в тело Геракла, который тоже глотал ртом воздух, выглядя таким же дезориентированным, какой ощущала себя я. Он переводил свой нервный взгляд с меня на Василиска, а затем на других богов. Несмотря на очевидное замешательство, он на удивление быстро оценил ситуацию и, словно проворная ласка, вскочил на ноги, бросив на меня испуганный взгляд, и убежал прочь. Я молча глядела ему вслед. Василиск тем временем шнырял по песку, сосредоточенный на богах, которые, в свою очередь, наблюдали за чудовищем, пока Геракл спасался бегством.

Мои пальцы дрогнули. Я должна была сделать хоть что-то. Чем мы только не рисковали, чтобы поймать хотя бы одного этого идиотского бога!

Мэдокс. Зажившее горло в то же мгновение сжалось. Боль пронзила кишечник, заставив меня рыдать. Мэдокс умер из-за миссии Пиаса, из-за его кровавого восстания. Пиас настаивал на том, чтобы я пошла с ними. Неопытная и нетренированная, ведь он был таким нетерпеливым. Он хотел, чтобы

мы схватили богов, а теперь единственный наш трофей убегал прочь. Мы так позорно провалились, что могли занять первое место в Книге рекордов Гиннеса по идиотским провалам. Я всхлипнула, а вокруг меня бушевал хаос. Боги отчаянно пытались уйти от Василиска.

Я вдруг почувяла запах озона. В воздухе трещали молнии, которые так сильно ударили Василиска, что его отбросило назад и длинное чешуйчатое тело свернулось клубком на вздымающемся в воздух песке. Его крик разрезал знойную жару и завибрировал в моих перепонках. Зверь рассыпался в бесполезный дым, который мгновением позже вернулся на мое тело.

Я заныла, когда смерть змея сотрясла мое сердце. И все же не сдвинулась с места. Если мне повезет, одна из молний Пиаса попадет в меня, и я тоже обращусь в дым. Тогда хотя бы эта боль прекратится. Тогда пропадет дыра в душе, которую оставила смерть брата. Но, к сожалению, ничего подобного не случилось. Вместо этого меня схватили две сильные руки и перевернули на спину. Я уставилась вверх. Надо мной стоял Пиас. Синие волосы небрежно спадали на его простреленный лоб. Раны еще не успели закрыться, и серебряная кровь стекала по его лицу и капала с подбородка. В этом зрелище было что-то гипнотическое. Место, где раньше находился его правый глаз, было пустым. В дыре виднелась кость, которая когда-то обрамляла глазницу. Кожа пахла горелым, а следы пороха растянулись от щеки к уху. Больше половины его лица было уничтожено. Пря-